465
37

Къ вопросу о православіи Ѳеофана Прокоповича.

Въ почтенномъ нѣмецкомъ журналѣ „Theologische Studien und Kritiken“, въ текущемъ году (Jhrg. 1913, 1 H. S. 140—152), появилась статья Гиссенскаго профессора богословія, М. Шіана подъ заглавіемъ: Ein russisch-orthodoxer Kinderkatechismus aus der Zeit Peters des Grossen. Авторъ оповѣщаетъ богослов- ~~скій міръ о своемъ открытіи~~ Въ одномъ сборничкѣ Бреславльской городской библіотеки ему удалось найти, по его словамъ, замѣчательную книжку. На титульномъ листѣ ея нѣтъ ни имени составителя, ни перевод[illegible], ни мѣста ни года изданія. Однако по типу печати и языка она явно относится къ началу XVIII вѣка, что гармонируетъ и съ ея заголовкомъ: Erste Unterweisung der Iugend, enthaltend ein ABC Büchlein, wie auch eine kurtze Erklärung der Zehen Gebote, des Gebets des Herrn und des Glaubens-Bekäntnisses, auf Befehl S. Aller-Durchlauchtigsten Czaar. Maj. Petri des Ersten, Imperatoris von gantz Russland, in den Druck gegeben.

Если бы у проф. Шіана былъ подъ рукой каталогъ нашей Библіотеки по отдѣленію Rossica, а еще лучше—„Catalogue raisonné des Russica de la Bib. Jmp. Pub. de St.-Pétbg. I. Pierre le Grand dans la litterature étrangère par le *Compte de Korff* et *K. Minzloff*. SPB. 1872“, онъ избавленъ былъ бы отъ сложныхъ догадокъ объ авторѣ найденной имъ книжки и объ ея судьбѣ въ русской катехизической литературѣ [1]). Сожалѣя по этому случаю о недостаточной извѣстности и распространенности въ западной Европѣ названныхъ указателей сокровищъ нашей библіотеки, мы должны, всетаки, съ удовлетвореніемъ признать мѣткость и вѣрность заключительныхъ выводовъ нѣмецкаго ученаго. Находясь въ положеніи обладателей „ключа“ къ задачѣ на уравненіе съ тремя

[1]) Не называю здѣсь трудовъ на русскомъ языкѣ, недоступномъ для проф. Шіана, изъ которыхъ ясно, что за книга „Erste Unterweisung“. См., напр., П. Пекарскій. Наука и лит. въ Росс. при П. В. СПБ. 1862 г., с. 550.

неизвѣстными, мы съ интересомъ можемъ наблюдать, какъ опытный изслѣдователь надежными шагами приближается къ искомой разгадкѣ. Можно рекомендовать это маленькое изслѣдованіе, въ видѣ поучительной иллюстраціи цѣлесообразности историческаго метода, тѣмъ, кто относится къ послѣднему скептически.

Опираясь на свѣдѣнія о русской богословской литературѣ, почерпнутыя изъ протестантской энциклопедіи Хаукка, да на книгу А. Брюкнера „Peter der Grosse“ (Berlin, 1879), проф. Шіанъ заявляетъ, что найденный имъ катехизисъ „до сихъ поръ былъ совершенно неизвѣстенъ. По меньшей мѣрѣ это имѣетъ силу въ примѣненіи къ нѣмецкой наукѣ. Но если бы русская теологія имѣла объ немъ свѣдѣнія, это конечно не осталось бы скрытымъ отъ нѣмецкой“. Такъ безоблачна вѣра нѣмецкаго профессора въ научную компетентность своихъ соплеменниковъ: пастора Дальтона (автора Исторіи реформатской церкви въ Россіи, извѣстнаго своей полемикой съ покойнымъ К. П. Побѣдоносцевымъ по *вопросу о свободѣ совѣсти*) и *другого русскаго балтійца*, Бонвеча, нынѣ профессора теологіи въ Геттингенѣ. Первый—авторъ артикля о митр. Платонѣ въ Энциклопедіи Хаукка, а второй—о Россіи вообще. Изъ совокупности данныхъ въ статьяхъ своихъ руководителей проф. Шіанъ правильно заключаетъ, что вѣрнѣе всего приписать невѣдомую имъ „Erste Unterweisung“ Ѳеофану Прокоповичу. „Я могу высказать это предположеніе“, пишетъ онъ, „не иначе какъ съ большой осторожностью, но, правъ, же, оно имѣетъ за себя неизмѣримо болѣе, чѣмъ безчисленныя подобнаго рода гипотезы объ авторахъ“. Нѣсколько комично читать эти педантическія строки, когда всякому русскому гимназисту изъ любого учебника литературы прекрасно извѣстно Ѳеофаново „Первое ученіе отрокомъ“.

Загадку для нѣмецкаго ученаго представляетъ и самый переводъ этого произведенія. Если бы не прямое указаніе предисловія о томъ, что „Первое ученіе“ составлено, въ отличіе отъ прежнихъ церковно-славянскихъ руководствъ, на россійскомъ просторѣчіи, то проф. Шіанъ склоненъ былъ бы считать „E. Unterweisung“ за оригинальное нѣмецкое сочиненіе: настолько языкъ его „красивъ, гладокъ и литературно возвышенъ“. Да и теперь онъ не отказывается отъ предположенія, что, можетъ быть, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ параллельной русскому тексту „оригинальной концепціей“ на нѣмецкомъ языкѣ Во всякомъ случаѣ онъ ставитъ рядомъ вопросъ: Не былъ-ли этимъ „мастерскимъ переводчикомъ“ или „авторомъ нѣмецкаго изданія самъ Ѳеофанъ Прокоповичъ?“ Для насъ не существуетъ этого предположенія, ибо ясно изъ непосредственнаго сравненія текстовъ, что нѣмецкое изданіе есть буквальный

переводъ русскаго оригинала. Но кто былъ переводчикомъ?—этого и наши историки литературы до сихъ поръ еще не знаютъ. Богатыя свѣдѣнія о переводчикахъ петровскаго времени, собранныя Пекарскимъ въ первомъ его томѣ, не проливаютъ на этотъ пунктъ никакого свѣта. Участіе въ переводѣ самого Θеофана во всякомъ случаѣ исключается его собственнымъ признаніемъ въ томъ, что онъ не знаетъ нѣмецкаго языка [1]). Одно только можно утверждать съ вѣроятностью, что переводъ „Перваго ученія“ былъ сдѣланъ почти одновременно съ изданіемъ оригинала. Написалъ „Первое ученіе“ Θеофанъ, какъ видно изъ его письма къ Марковичу отъ 10, V, 1720 г., приблизительно въ концѣ 1719 г. [2]). Въ 1720 г. оно было напечатано впервые въ александроневской типографіи [3]). А вотъ сообщеніе и о времени его перевода на нѣмецкій. По указателю Мицлова (Supplément, p. 708) находимъ въ нашемъ собраніи „Rossica“ два Лондонскихъ изданія подъ заглавіемъ: „The Russian Catechisme, composed and published by Order of the Church-Governement and Ceremonies of the Moscovites etc.“ Первое изданіе 1723 г. (13. VI. 9. 2) и второе—1725 г. (13. 2. 9. 55). Этотъ катехизисъ оказывается переводомъ „Перваго ученія“ съ нѣкоторымъ дополненіемъ [4]), но переводомъ не съ русскаго, а съ нѣмецкаго [5]). Переводчикъ I. T. Philipps, датируя свое предисловіе Westminster, Nov. 26. 1723, сообщаетъ, что данный катехизисъ пять или шесть лѣтъ тому назадъ былъ написанъ уроженцемъ Кіевщины архіепископомъ Рязанскимъ (five or six years ago writ by Archbishop Resenski, a native of Kiovia). Тутъ несомнѣнное смѣше-

---

[1]) „Ipse nesciam Germanice“. *Th. Procopowicz.* Miscellanea sacra, variis temporibus edita, p. 9. Vratislawiae. 1745. Срав. *П. Морозовъ.* Θ. Прокоп. какъ писатель. СПБ. 1880, с. 392 прм. 3. Не зналъ Θеофанъ и французскаго, какъ видно изъ одного его письма: *Чистовичъ.* „Θеоф. Прок.“ СПБ. 1868 г., с. 597. Свидѣтельство датчанина фонъ-Гавена, будто Θеофанъ „знаетъ разные европейскіе языки, изъ которыхъ на двухъ говоритъ, хотя въ Россіи не хочетъ никакого употреблять, кромѣ русскаго“ (ibidem, с. 627—628), страдаетъ панегирическимъ преувеличеніемъ. Изъ трехъ съ небольшимъ лѣтъ, проведенныхъ Θеофаномъ заграницей (1698—1702), половину времени онъ прожилъ въ Польшѣ, языкъ которой еще съ Кіева былъ для него своего рода Muttersprache, а половину въ Римѣ. Хотя и проѣзжалъ онъ впередъ черезъ Вѣну, Штирію и Тироль, а обратно черезъ С.-Готардъ и Швейцарію, но надо полагать, что, кромѣ интернаціональной латыни, за это время онъ едва ли успѣлъ навыкнуть говорить на какомъ-нибудь другомъ европейскомъ языкѣ кромѣ итальянскаго. Итакъ, польскій и итальянскій—вотъ тѣ два европейскихъ языка, на которыхъ, согласно фонъ-Гавену, говорилъ Θеофанъ.

[2]) *Чистовичъ.* Θ. Пр. с. 46—47.

[3]) *Пекарскій,* т. II с. 479.

[4]) Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о варіаціяхъ въ различныхъ изданіяхъ „Перваго ученія О.“ въ его объемѣ и составѣ.

[5]) Морозову этотъ переводъ остался неизвѣстнымъ. См. „Θеоф. Прок.“ стр., 285.

ніе „архіепископа“ Θеофана съ митрополитомъ „Рязанскимъ“ Стефаномъ Яворскимъ, особенно явно оно изъ дальнѣйшихъ словъ: „who, for his great learning, is in the highest esteem with his Czarian Majesty“. Далѣе разсказывается, что книга была переведена на нѣмецкій языкъ и напечатана въ Петербургѣ. Нѣмецкій экземпляръ ея попалъ въ руки одной важной особы, которая и поручила перевести книжку на англійскій языкъ [1]). Изъ времени появленія этого вторичнаго перевода (1723 г.) съ очевидностью выясняется раннее появленіе нѣмецкаго текста.

Но суть интереса нѣмецкаго ученаго по отношенію къ данному произведенію пера Θеофана Прокоповича не въ библіографическихъ справкахъ, а въ его содержаніи и характерѣ. Съ изощренностью конфессіональнаго цензора проф. Шіанъ перечитываетъ „Erste Unterweisung“ и съ любовью отмѣчаетъ каждый штрихъ, каждый уклонъ богословской мысли автора, роднящій его съ протестантизмомъ Именно въ изобиліи этихъ-то чертъ и заключается секретъ восхищенія нѣмецкаго профессора своей „находкой“ (S. 149), который побуждаетъ назвать ее „*книжкой высокаго историческаго интереса*“ и проектировать переизданіе ~~ея полностью~~ (S. 152).

Изъ отмѣтокъ и подчеркиваній проф. Шіана слагается дѣйствительно любопытная въ конфессіональномъ отношеніи, не лишенная тонкости, характеристика разбираемаго катехизиса. Тутъ подмѣчена и рѣзкая борьба съ суевѣрнымъ обожаніемъ предметовъ культа, и осужденіе крайностей внѣшняго богопочитанія, и квалификація священнаго писанія, какъ „единственнаго и неложнаго правила вѣры и благочестія, безъ упоминанія о преданіи“, и почти протестантское опредѣленіе церкви. Вѣскій смыслъ пріобрѣтаютъ здѣсь и argumenta a silentio. Отсутствіе перечисленія и объясненія таинствъ. „Особенно поражаетъ замалчиваніе евхаристіи“ (S. 144). Не упоминается о постахъ, церковныхъ уставахъ и т. п. предметахъ. „Съ другой стороны въ высшей степени характерно выступленіе *противъ суевѣрій*, которое точно такимъ же образомъ выдвигается безчисленное множество разъ въ протестантскихъ катехизисахъ 18 столѣтія“ (ibid). Чрезвычайно привлекаетъ протестантскаго богослова въ разбираемой книжкѣ „возвышенная *интимность благочестія*, внушеніе упованія на

---

[1]) Изъ посвященія ко второму изданію (1725 г.) узнаемъ и имя этой особы: Сэръ Петеръ Кингъ, спикеръ палаты лордовъ. По справкѣ (Dictionary of national biography edit. by Sidney Lee. Vol. 31. London. 1892. p. 144—147), П. Кингъ былъ авторомъ двухъ неизвѣстныхъ сочиненій по исторіи древней церкви и членомъ общества пропаганды евангелія въ „иныхъ странахъ“. Отсюда его интересъ къ русскому катехизису.

Единаго только Бога, что невольно напоминаетъ евангельскій способъ воззрѣнія“ (s. 145—146). И прямо въ восторгъ приводитъ его комментарій къ пятому прошенію молитвы Господней, который онъ цитируетъ какъ образецъ „сильной и прекрасной, горячей и задушевной рѣчи“. Вотъ эта цитата: „И по многому и неисчетному милосердію Твоему, умоляемый кровію Единороднаго Сына Твоего, изліянною за ны, ослаби, остави, отпусти, Боже, согрѣшенія наши, вольная и невольная, вѣдомая и невѣдомая, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ творимая нами, якоже и мы братіи нашей прощаемъ творимыя намъ отъ нихъ обиды. Не вниди въ судъ съ рабы Твоими, яко не оправдится предъ Тобою всякъ живый, яко нѣсть человѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ: Ты бо еси Единъ кромѣ грѣха, правда Твоя правда во вѣкъ и слово Твое истина“ (s. 146). Всякому знакомому съ нашими молитвословіями ясно, что въ этой тирадѣ почти всѣ строки составляютъ простую компиляцію изъ различныхъ церковныхъ молитвъ и псалмовъ, и восторги протестанта, такимъ образомъ, безсознательно возданы красотѣ православнаго богослуженія [1]). Но проф. Шіанъ, увлеченный литературными достоинствами этого и подобныхъ ему мѣстъ, продолжаетъ: „я не колеблюсь утверждать, что языкъ („Erste Unterweisung“) въ этихъ частяхъ стоитъ далеко надъ уровнемъ нѣмецкой религіозной литературы первой трети 18 вѣка. Когда я припоминаю проповѣдническую литературу тѣхъ десятилѣтій, то я могъ бы нѣчто подобное найти только въ проповѣди, стоявшей подъ вліяніемъ Франціи, стало быть и—Мосгейма; однако, хотя здѣсь и встрѣчается такой же подъемъ, но едва ли найдется равная простая красота“ (s. 148—149). Хватило-ли бы у протестантскаго ученаго благородной рѣшимости на такіе комплименты, если бы онъ зналъ, каковъ собственно ихъ настоящій адресъ, но теперь онъ такъ откровененъ именно потому, что думаетъ этимъ увеличить славу протестантизма. Правильно подмѣчая протестантскіе оттѣнки въ „Первомъ ученіи отрокомъ“ и выдвигая „положеніе,

---

[1]) Опытъ протестантскаго богослова, невѣдомо для себя соприкоснувшагося съ православными молитвословіями и вспыхнувшаго отъ восторга, довольно поучителенъ. Невѣжество культурнаго общества, европейскаго и русскаго, во всемъ, что касается утонченныхъ сокровищъ церкви вообще и православной въ частности, кажется, обѣщаетъ пойти на убыль. Уже начали цѣнить и понимать чудную красоту нашихъ древнихъ византійскихъ и русскихъ иконъ. Начинаютъ увлекаться и старой церковной музыкой. Вѣроятно недалеко и то время, когда, подобно нѣмецкому профессору, люди культуры натолкнутся, по чьему-нибудь указанію, на колоссальныя залежи несравненныхъ красотъ слова и духа въ православномъ богослуженіи и поймутъ, что далеко еще не всѣ цѣнности имъ извѣстны...

что оно приближаетъ къ *протестантскому благочестію*“ (S. 146), проф. Шіанъ все самое лучшее въ русскомъ катехизисѣ приписываетъ своему гордому вѣроисповѣданію. Онъ видитъ въ „открытой“ имъ книжкѣ „замѣчательный документъ въ пользу того, что живое теченіе въ протестантизмѣ 18 вѣка, впрочемъ въ очень сердечной и глубокой формѣ, по меньшей мѣрѣ *пыталось* воздѣйствовать даже и на русскую церковь“ (ibidem).

Этотъ курьезъ въ домыслахъ иностранца мы оттѣнили не для дискредитированія состоятельности главнаго его построенія. Весьма цѣнный фактъ заключается въ томъ, что въ статьѣ проф. Шіана мы имѣемъ какъ бы экспериментальный вспомогательный матеріалъ для пересмотра уже давнишней проблемы русской богословской науки о православіи Ѳеофана Прокоповича и его антипода—Стефана Яворскаго. Совершенно непосвященный въ перипетіи этой контроверзы, почти ощупью, не зная, съ чѣмъ въ точности онъ имѣетъ дѣло, протестантскій богословъ—этотъ цензоръ наизнанку—прочитавъ одно маленькое сочиненіе Ѳеофана, нашелъ его пропитаннымъ евангелическими идеями. И сдѣлалъ онъ это въ XX столѣтіи независимо отъ невѣдомыхъ ему предшественниковъ-современниковъ самого Ѳеофана. Двѣсти лѣтъ научно-богословскаго развитія не измѣнили оцѣнки Ѳеофанова богословствованія съ конфессіональной точки зрѣнія. Если можно было заподозрить судъ современниковъ Ѳеофана, отечественныхъ и иноземныхъ, со стороны посторонихъ существу дѣла пристрастій, то въ судѣ богослова-историка, удаленнаго пропастью двухъ вѣковъ и чуждостью вѣроисповѣданія и культуры отъ объекта своей оцѣнки, этотъ отрицательный элементъ не имѣетъ никакого мѣста. Просто очевидно, такова природа Ѳеофановыхъ писаній, что соприкоснувшійся съ ними безпристрастный спеціалистъ долженъ найти въ нихъ протестантское содержаніе.

Намъ нѣтъ нужды повторять общеизвѣстную исторію обличеній Ѳеофана въ протестантизмѣ со стороны враговъ его личныхъ, враговъ принятаго имъ научно-богословскаго направленія и духа Петровской реформы вообще, обличеній, поднятыхъ въ частности именно по поводу „Перваго ученія отрокомъ“. Церковная реформа Петра и Ѳеофана, ихъ дружба съ протестантами, сношенія Ѳеофана съ Буддеемъ—подняли цѣлый гулъ голосовъ въ Европѣ о томъ, что въ Россіи если не творится, то по крайней мѣрѣ подготовляется реформація въ евангелическо-лютеранскомъ направленіи. Если такъ думала „просвѣщенная“ Европа, насколько же было естественнѣе самому русскому православію

почуять духъ „кальвинской и лютерской ереси“ въ личности ученаго Θеофана и правильно его назвать его собственнымъ именемъ [1]).

Какъ ни напряженна была атмосфера момента большого историческаго перелома, всетаки во мнѣніи и протестантскихъ друзей и доморощенныхъ враговъ Θеофана объ его протестантскихъ симпатіяхъ нельзя видѣть одно чистое недоразумѣніе, одинъ уродливый результатъ столкновенія страстныхъ интересовъ. Зародившееся въ XIX столѣтіи научно-историческое изученіе литературнаго наслѣдія Θеофана, при всемъ разнообразіи оцѣночныхъ формулировокъ, однимъ подборомъ цитатъ изъ Θеофана блестяще оправдало и радостныя ожиданія и мрачныя тревоги Θеофановыхъ современниковъ по поводу его протестантской закваски. Фактъ ея установленъ безспорно и прочно. Но этотъ прозрачный и ясный фактъ, въ силу неблагопріятныхъ условій развитія нашей богословской литературы, не нашелъ еще себѣ соотвѣтственнаго по ясности и прямотѣ формы выраженія. Не сказано послѣднее слово. Не поставлена точка надъ і. Цѣль настоящей замѣтки сводится къ скромной задачѣ, ничего не прибавляя къ достаточно изобильнымъ и детальнымъ изысканіямъ, поставить одну эту „точку“.

Вереница изслѣдованій о богословіи Θеофана открывается талантливой диссертаціей Ю. Θ. Самарина [2]). Написанная въ началѣ 40-хъ годовъ, эта диссертація вообще независимаго мыслителя носитъ на себѣ характерный для своего времени отпечатокъ чрезвычайной сдержанности въ сужденіяхъ, граничащей съ уклончивостью. Въ предисловіи авторъ признаетъ, что „въ частныхъ воззрѣніяхъ у Прокоповича дѣйствительно сказывается вліяніе протестантскихъ богословскихъ системъ“ (с. XXX). Скромная формула „частныя воззрѣнія“ въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи документально переводится на весьма капитальныя величины, на которыхъ, какъ на китахъ, покоится весь протестантизмъ. Во главѣ стоитъ исключительное значеніе одного священнаго писанія въ качествѣ источника богопознанія, съ „правомъ личнаго толкованія и изслѣдованія“. Это право, „ничѣмъ неограниченное, подчиняетъ авторитетъ писанія произволу частнаго лица и ведетъ къ отрицанію церкви, о которой Θеофанъ П. почти не упоминаетъ“ (с. 91). За этимъ формальнымъ устоемъ реформаціи у Θеофана раскрывается и раздѣльно доказывается и ея матеріальный принципъ—оправ-

---

[1]) *П. Морозовъ.* Θ. Пр. с. 271—275, 348—349.

[2]) „Стефанъ Яворскій и Θеофанъ Пр.“. Сочиненія, т. 5-й. Москва. 1880.

данiе человѣка одной вѣрой—со всѣми его предпосылками. „Образъ Божiй въ человѣкѣ черезъ грѣхъ поврежденъ и потерянъ“ (с. 95, 110), „весь человѣкъ (totus, quantus est) поврежденъ“ (с. 113, 115), „закрѣпощенъ грѣху“ (с. 116); „свобода въ немъ утрачена безусловно, погашена; благодать заново творитъ ее (rursus creat, infundit)“ (с. 121). Оправданiе есть только юридическое объявленiе грѣшника праведнымъ (с. 135—136, 138). На вопросъ „согласно ли все это съ ученiемъ нашей церкви?“—авторъ говоритъ: „отвѣчать на это трудно“. И дѣйствительно, никакого отвѣта не даетъ, отговариваясь недопустимостью для православiя какой бы то ни было богословской системы (с. 143—144). Но результатъ его изслѣдованiя говоритъ самъ за себя. При свѣтѣ современнаго состоянiя русской богословской науки становится безспорнымъ, что предъ нами тутъ чистая протестантская доктрина [1]). Въ заключенiе Самаринъ бросаетъ счастливую мысль, которой съ благодарностью воспользуется будущiй изслѣдователь личности и творчества Θеофана. Именно, онъ „предполагаетъ въ Θеофанѣ II. тайную, любимую мысль, которой онъ впрочемъ нигдѣ прямо не высказываетъ. Кажется, онъ видѣлъ вблизи возможность обращенiя германцевъ къ православной вѣрѣ и понималъ протестантизмъ, какъ кратковременный и необходимый переходный моментъ отъ католицизма къ православiю... Когда Θеофанъ II. говоритъ о протестантизмѣ, слова его звучатъ какою-то великою надеждою и нетерпѣливымъ рвенiемъ“ (с. 158). Едва-ли, однако, и эта остроумная гипотеза, какъ и всѣ другiе выводы блестящей диссертацiи, доведена до конца. Вся богословская дѣятельность Θеофана говоритъ за то, что на мѣстѣ православнаго сознанiя ему рисовалось какое-то туманное пятно или даже tabula rasa, на которыхъ онъ призванъ начертать опредѣленныя формулы по протестантскому образцу, очистивъ предварительно только мусоръ невѣжества и суевѣрiй. Неопредѣленное онъ подгонялъ къ опредѣленному, а не наоборотъ. Будущiй историкъ не упуститъ, конечно, случая сопоставить „тайныя мысли“ Θеофана съ „тайными мыслями“ Петра и, можетъ быть, вскроетъ въ нихъ единственный разъ въ исторiи русской церкви рѣявшую надъ ней просвѣщенно-абсолютистскую мечту о реформацiи [2]), болѣе уже неповторявшуюся, и неповторимую, ибо съ тѣхъ поръ историческая реформацiя, какъ таковая, пере-

[1]) См. *Сергiй*, архiеп. Финляндскiй. „Православное ученiе о спасенiи“. Изд. 4-е. Спб., 1910 г. Срв. *Вл. Троицкiй* (iером. Иларiонъ). „Очерки изъ исторiи догмата о церкви“. Серг. Посадъ, 1913 г., с. 168 и сл.

[2]) *Морозовъ*. Цит. соч. с. 343 прим.

стала быть движущимъ моментомъ христіанской исторіи, и къ ней тяготѣютъ теперь лишь религіозно-отсталые элементы, утрачивающіе связи съ подлинной культурной исторіей, каковы наши баптисты, штундисты и раціоналистическія партіи въ самомъ православіи...

Послѣ Самарина выясненіе вопроса о православіи Ѳеофана П., если брать въ разсчетъ отчетливость и прямоту конечныхъ выводовъ, пошло положительно назадъ. За разработку его принялись представители духовной школы съ ихъ сложными чувствами конфессіональной отвѣтственности и своеобразной дисциплиной ума и воли. Работа была продѣлана очень большая, но результатъ ея былъ неясенъ. Чистовичъ обошелъ щекотливую проблему путемъ упрощеннаго повѣствованія. Даровитый, но рано умершій изслѣдователь, П. А. Червяковскій въ рядѣ посмертныхъ статей въ „Христіанскомъ Чтеніи“ (1876 — 1878 г.г.) вплотную принимается за сложный вопросъ. Трудъ Самарина, въ богословской его части, былъ неизвѣстенъ еще юному работнику, такъ какъ явился въ печати лишь въ 1880 году. По полнотѣ и тщательности изслѣдованіе Червяковскаго превосходитъ соотвѣтствующую часть диссертаціи Самарина, вполнѣ совпадая въ общихъ результатахъ выдѣленія протестантскихъ элементовъ теологіи Ѳеофана. Но въ рѣшающихъ, оцѣнивающихъ выводахъ далеко отстаетъ отъ нея, давая собой отличную иллюстрацію прекрасно вышколенной, и научно и діалектически, мысли, бьющейся въ силкахъ обязательныхъ предубѣжденій и сложныхъ опасеній. Итоги и формулировки Червяковскаго производятъ почти комическое впечатлѣніе своимъ монотоннымъ балансированіемъ по нижеслѣдующей схемѣ: „Сравнивая ученіе Ѳеофана о... съ протестантскимъ ученіемъ о томъ же предметѣ, всякій легко замѣтитъ, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ ихъ сходствѣ... И, не смотря на все это, онъ всетаки остается дѣйствительно православнымъ, потому что“ и т. д. [1]). Но кромѣ книгъ Ѳеофана предъ авторомъ былъ еще яркій историческій фактъ горячаго протеста старо-православныхъ современниковъ Ѳеофана противъ его богословія. Стоя на своей діалектической высотѣ, Червяковскій додумывается до своеобразнаго выхода. „И вотъ“, пишетъ онъ, „ученіе Ѳ. о св. писаніи, будучи само по себѣ православно, въ примѣненіи къ русской жизни явилось съ чисто протестантскимъ характеромъ“ (!?) [2]). Какой же въ вѣроисповѣдномъ

[1]) „Христ. Чт.“ 1876 г., ч. II, с. 143 и 152; срвн. с. 104; 143—144 и 145—148; 148—149 и 149—150; 150—151 и 151; 151—152 и 152; 1877 г., ч. I, с. 316—325 и 325—326 (!); 329 и 330 (!); 1877 г., ч. II, с. 5, 6—7, 13, 19, 23—24 (!), 26—27, 38.

[2]) Хр. Чт. 1877 г., II, с. 40.

отношеніи была русская жизнь, если чисто православное воспринималось ею какъ протестантское?!

Этотъ неудобовразумительный тезисъ авторъ повторяетъ въ еще болѣе рѣшительныхъ, но столь-же внутренно противорѣчивыхъ выраженіяхъ: „Ясно, что въ отношеніи къ русской жизни Ѳеофаново ученіе дѣйствительно являлось протестантскимъ и чисто революціоннымъ: оно подкапывалось подъ все старинное святорусское православіе... Но“ —неожиданно заканчиваетъ авторъ— „въ этомъ скорѣе виноватъ Петръ, чѣмъ Ѳеофанъ“ [1]).

Продолжатель Червяковскаго по скрупулезному изученію Ѳеофана, проф. Ѳ. А. Тихомировъ [2]), можетъ быть понявъ невыгодность позиціи предшественника, запутавшагося въ дебряхъ противорѣчій, благодаря рѣшительнымъ признаніямъ неправославныхъ тезисовъ у Ѳеофана, сдается назадъ и начинаетъ бороться съ очевидностью, какъ съ недоразумѣніемъ [3]). Онъ изобрѣтаетъ способъ обвинить Ѳеофана лишь въ протестантскомъ схоластицизмѣ, а не въ протестантизмѣ [4]), хотя и не рѣшается отрицать, что у нѣкоторыхъ богослововъ школы Ѳеофана (напр. у ев. Иринея Фальковскаго, архіеп. Иннокентія Херсонскаго) уже читаются мысли о церковномъ преданіи нескрываемо протестантскія [5]). А по плодамъ узнается дерево... Свою апологетическую тенденцію проф. Тихомировъ въ другомъ своемъ трактатѣ на ту же тему [6]) доводитъ до предѣла. Онъ заканчиваетъ его такими оптимистическими строками: Ѳеофанъ „умаляетъ формальное значеніе преданія не изъ гордаго превознесенія человѣческаго ума, а изъ смиреннаго познанія ограниченности его въ высокой области вѣры. Здѣсь мы видимъ не пагубное разрушеніе православія, а свѣтлое торжество православнаго гносеологическаго принципа“ [7]).

Послѣдующихъ богослововъ не покорила себѣ эта вдохновенная защита Ѳеофана [8]). Изъ недавнихъ изслѣдователей прот. І. Моревъ хотя и стоитъ

---

[1]) Ibidem, c. 37.

[2]) *Ѳ. Тихомировъ*. „Трактаты Ѳеофана Пр. о Богѣ Единомъ по существу и троичномъ въ Лицахъ“. Спб. 1884.

[3]) Стр. 155 и сл., 162—164.

[4]) Ibidem и стр. 215.

[5]) Стр. 164, прм. 2.

[6]) Ѳ. Тихомировъ „Идея абсолютизма Бога и протестантскій схоластицизмъ въ богословіи Ѳ. Пр.“ „Хр. Чт.“ 1884 г., ч. II.

[7]) Стр. 326.

[8]) Свѣтскіе изслѣдователи упоминаютъ о протестантскихъ чертахъ въ сочиненіяхъ Ѳ. Пр., но не дѣлаютъ отсюда никакихъ спеціальныхъ заключеній. См. *А. Архангельскій*. „Духовное образованіе

на неопредѣленной и колеблющейся точкѣ [1]), чему способствуетъ его блѣдный, безцвѣтный языкъ, но прямой наклонностью скрывать протестантизмъ Ѳеофанова богословія, не страдаетъ [2]). А. М. Савкевичъ [3]), оставивъ игру въ прятки, выдвинулъ откровенное положеніе о неправославіи Ѳеофанова ученія, но сопроводилъ его довольно неожиданнымъ послѣсловіемъ: „Ѳеофанъ", заканчиваетъ онъ свою статью, „неправославенъ, какъ богословъ, но онъ православенъ, какъ человѣкъ", ибо содержалъ все, чему учитъ православная церковь. Такъ парадоксально осмыслить крупную личность Ѳеофана могъ только питомецъ духовной школы, который привыкъ смотрѣть на систему догматовъ, какъ на внѣшне заучиваемую матерію и писать и говорить не то, что на самомъ дѣлѣ чувствуетъ и переживаетъ. Ѳеофанъ былъ настолько талантливый, живой и цѣльный человѣкъ, что его нельзя измѣрять мѣркой той распространенной посредственности, которая, набивъ руку въ богословской словесности и книжномъ кропательствѣ, плодитъ безконечныя компиляціи о тайнахъ неба и ада, не имѣя предъ собой никакихъ, связанныхъ съ этими идеями, творческихъ жизненныхъ задачъ и даже не догадываясь о томъ, что богословіе можетъ быть не однимъ книжнымъ упражненіемъ служебныхъ обязанностей, а самою жизнью личности, біеніемъ ея сердца и трепетаніемъ нервовъ. По однимъ горячимъ письмамъ Ѳеофана къ его богословскому единомышленнику Марковичу можно видѣть, насколько его протестантскія идеи захватывали все его существо, составляли для него путеводную звѣзду, питали пафосъ его жизни. Это не частныя обмолвки мертваго книжника, не куски изъ неправославныхъ пособій, случайно и безсознательно вошедшіе въ текстъ компилятора. Это сама его живая личность. Если у насъ былъ когда либо въ іерархіи вдохновенный, не головной, а именно сердечный носитель стараго (уже не интереснаго для современности), классическаго протестантизма, то это былъ единственно—Ѳеофанъ Прокоповичъ. Нельзя же уплощать вопросъ настолько, чтобы указывать на его формальную, юридическую и бытовую принадлежность къ православной церкви, и доказывать его православіе упоминаніемъ въ его трудахъ и іерархіи

и духовная литература въ Россіи при Петрѣ В.". Казань 1883 г., с. 79—80. *Морозовъ*. Цит. соч., с. 343.

[1]) *Пр. І. Моревъ*. „Камень вѣры Стефана Яворскаго". Спб. 1904 г., стр. 361, 367.

[2]) Стр. 351—367.

[3]) *М. Савкевичъ*. „Ученіе Стефана Явор. и Ѳеофана Пр. о свящ. преданіи"—„Вѣра и Разумъ" 1893 г., ч. I, с. 163.

и обрядовъ. Достаточно того, что онъ былъ архіепископъ, чтобы уже не спорить о формѣ, а разсуждать только по существу.

Православіе, и вообще, вѣроисповѣданіе—говоритъ авторитетъ православнаго богословія [1])—не есть „теоретическое ученіе“. Не filioque, не папство, не количество таинствъ „составляютъ душу католичества и протестантства“ и существенное отличіе ихъ отъ православія. Душа конфессіи въ ея жизнепониманіи, въ особомъ укладѣ, религіозномъ настроеніи и устремленіи вѣрующей личности. Θеофанъ затрачивалъ всѣ силы своего могучаго духа на проведеніе въ русское богословіе вдохновлявшихъ его протестантскихъ принциповъ, весь уходилъ въ соотвѣтствующія переживанія. По характеристикѣ Червяковскаго—проявлялъ специфическое благоговѣніе предъ буквой св. Писанія, специфическое сознаніе своего нравственнаго безсилія, специфическую вражду къ преданіямъ и католичеству. Онъ былъ протестантъ настоящій, такъ сказать религіозный иностранецъ среди русской іерархіи. И если архіеп. волынскій Антоній клеймитъ его названіемъ „безрелигіознаго“ [2]) и не находитъ ничего невозможнаго въ томъ, что подъ архіерейской шапкой можетъ быть атеистическая голова, то, очевидно, русскимъ богословамъ нѣтъ развязать себѣ языки и, не раздѣляя мнѣнія рѣшительнаго архіепископа о Θеофанѣ, перестать робѣть называть его такъ, какъ давно уже уполномочила къ тому своя же богословская наука.

Новый и непредубѣжденный отзывъ о Θеофановомъ богословіи нѣмецкаго профессора даетъ намъ поводъ и возлагаетъ прямо обязательство сказать во всеуслышаніе: да, Θеофанъ Прокоповичъ былъ дѣйствительно протестантомъ.

Въ этихъ простыхъ словахъ по столь сложному и до насъ уже хорошо разработанному вопросу и состоитъ, какъ мы говорили, цѣль настоящей замѣтки,—ея скромная „точка“.

А. Карташевъ.

Библиотека ОДН Академии Наук СССР

---

[1]) Архіеп. *Сергій* „Правосл. уч. о спасеніи“, с. 6—8.

[2]) Архіеп. *Антоній*. „Бѣды отъ лжебратій“. Москва. 1912 г., с. 6.

Изъ „Сборника статей въ честь Д. Θ. [illegible]ова“.